

НАТУРФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ АНТИЧНОГО ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ШКОЛА В III ВЕКЕ. ЧАСТЬ I *

Д.А. Балалыкин, А.П. Щеглов, Н.П. Шок

Статья посвящена актуальной проблеме истории естествознания – взаимовлиянию натурфилософии и медицины в III веке. Этот период истории античного естествознания характеризуется огромной важностью процессов, происходящих в медицине: на рубеже II–III вв. в медицине происходит важный перелом – формируется господствующая теория, доминирующая в данной специальности на всем цивилизованном пространстве – анатомо-физиологическая система Галена. В статье также подробно анализируется особое место и значение Александрийской школы в развитии естествознания, в рамках которой обеспечивалась синергия античной философии и христианской теологии.

Ключевые слова: история медицины, история науки, Александрийская школа, античное естествознание, Гален, Евсевий Кесарийский, Дионисий Великий

Одним из главных вопросов истории естествознания является возможность позитивного ответа на вопрос о познаваемости материального мира – природы и человека. Анализ корреляции мышления и бытия, предоставляемый (или не предоставляемый) в рамках тех или иных религиозно-философских доктрин, культурных и социально-политических систем ставит актуальные междисциплинарные задачи между историками наук (физики, химии, биологии и др.), с одной стороны, и историками культуры, философии, источниковедовыми, с другой. Феноменологический подход в истории позволяет уравнивать различные формы устройства общества и государства, культуры и религии. В естественных науках такой подход невозможен – существует четкость оценочных критериев с точки зрения результативности развития. Точкой отсчета в истории науки является научная революция XVII века. Общепринято, что именно она породила современный научный метод. Те или иные религиозно-философские системы, культурные или социальные феномены в рамках исто-

---

* Публикуется в авторской редакции.

риу науки оцениваются с позиции этого критерия достаточно ясно – положительно или отрицательно они влияют на движение по пути зарождения и становления научного метода. Различные философские школы античности оцениваются, с этой точки зрения, по-разному. Например, очевидна отрицательная историческая оценка скептицизма софистов, с одной стороны, и огромная положительная роль рационалистического позитивизма Аристотеля, с другой [1;10;18;20].

Настоящая статья посвящена важному вопросу истории естествознания – взаимовлиянию натурфилософии и медицины. Медицина, в данном случае, выступает в качестве примера конкретной научной и практической области естественных наук – методологически, с тем же результатом, мы могли бы рассматривать физику, химию или любую другую из естественнонаучных дисциплин. Вопрос о взаимоотношениях теории и практики в истории науки, сразу возникающий в этом контексте исследован наилучшим образом. Важной характеристикой медицины (как, впрочем, и физики) в исторической ретроспективе является именно ее научно-практический характер – эмпирическая составляющая ее деятельности – врачебной искусство – на всем протяжении ее истории выступала в качестве надежного средства от чрезмерных умозрительных теоретических абстракций. Ведь в медицине ясен критерий оценки адекватности научной теории – ее применение (больной либо выздоровел, либо нет). С другой стороны, на всем протяжении мировой истории, врачебное сословие принадлежало к уважаемой, привилегированной части общества. Врач, в отличие от других своих коллег-естествоиспытателей, никогда (от времен античного полиса до времен научной революции XVII века) не был социальным и интеллектуальным маргиналом. В силу этого обстоятельства, история медицины представляет собой модель изучения взаимовлияния натурфилософии и практической науки, не подверженную влиянию случайных для этой модели социальных и политических факторов – например, внезапных гонений, репрессий или уничтожения целых общественных групп [3].

Рассматриваемый нами период характеризуется, с одной стороны, огромной важностью процессов, происходящих в медицине. На рубеже II–III вв. в медицине происходит важный перелом – формируется господствующая теория, доминирующая в данной специальности на всем цивилизованном пространстве. Речь идет о возникновении комплексной анатомо-физиологической системы, предложенной врачом и философом Галеном.

Гален родился в г. Пергам около 130г., когда Римской Империей управлял император Адриан. Вскоре после рождения Галена, в 133г.,

государство Атталидов, один из осколков империи Александра Македонского, столицей которого был Пергам, поглощается Римской Империей. Пергам – крупный торгово-экономический и, вследствие этого, научно-образовательный центр. Отец Галена – Никон характеризуется в историографии как математик и философ. Гален получает образование у ведущих ученых, среди которых «анатом Сатирик, патолог Стратоник, философ-эмпирик Эсхрион» [5]. В возрасте 21 года Гален переезжает в г. Смирну и учится дальше у анатома Пелопса и философа Альбина, затем он переезжает в Коринф, где изучает фармацию под руководством Нумезиана. Следующий пункт его медицинского образования, конечно, Александрия. Там его учитель – известный анатом, врач Гераклион. Получив исчерпывающие для того времени знания, Гален возвращается в Пергам и в течение четырех лет работает врачом при гладиаторской школе. Хирургический и анатомический опыт доступный ему там, невозможно переоценить. Это – возможность изучать анатомию на трупах гладиаторов, погибших на арене цирка, постоянные хирургические вмешательства, проводимые раненым бойцам (варианты этих ранений были чрезвычайно разнообразны). В 164г. Гален переезжает в Рим, где делает блестящую врачебную карьеру. Некоторое время спустя, он возвращается на родину в Пергам и навещает в Смирне своего старого учителя – анатома Пелопса. Потом он вновь уезжает в Рим, где и проводит завершающий этап своей жизни, практикуя как врач и проводя публичные лекции с демонстрацией опытов сравнительной анатомии. Примерно так выглядит в историографии биография Галена [5;19].

Мы видим, что становление Галена, как врача, связано с Александрийской школой. Именно ее традиция имеет важное значение для решения интересующего нас вопроса. Рассматривая Александрию II-III вв., мы наблюдаем универсальный научный «перекресток» философии, медицины, точных наук, поэтому понятие «Александрийская школа» является очень значимым для истории науки и привлекает внимание множества исследователей.

В специальной литературе под этим словосочетанием понимается уникальное явление, процветавшее почти восемьсот лет – с III в. До Р.Х. до V века. Этот феномен подразумевает как деятельность многочисленных научных школ в различных областях знаний (философия, математика, медицина, богословие и пр.) и искусств, так и институты – знаменитый Александрийский Музейон, библиотеку и т.д. Среди историков разнообразных специализаций существует согласие по вопросу о взаимодействии и взаимосвязи этих научных школ – этим объясняется универ-

сальный характер использования понятия «александрийская школа» в историографии. Историки философии давно отметили связь экзегетических исследований Филона – иудея и последующей александрийской христианской богословской традиции. С другой стороны, труды Филона были важны и для неоплатоников, которые вели непримиримую борьбу с христианской религиозно-философской мыслью – достаточно вспомнить полемику Оригена и Цельса. В специальной литературе, посвященной истории естествознания, взаимосвязь натурфилософских систем и медицинских теорий, господствовавших в разное время, является общепризнанным фактом [2]. Александрийская медицинская школа в период с III в. до Р.Х. до II в. – главный центр исследований и развития. Важнейшим обстоятельством, обусловившим значение Александрийского Музейона для медицины, стала возможность свободного производства анатомических вскрытий, невозможных на большинстве других территорий эллинской Ойкумены, и, позднее, Римской Империи в силу ритуальных религиозных запретов. Можно даже говорить о некоторой чрезмерности этих свобод – при Птолемах во времена крупнейших александрийских врачей Герофила и Эрасистрата практиковались вскрытия живых людей в научно-исследовательских целях [6; 7]. Именно во время учебы в Александрийской школе сложились профессиональные взгляды Галена (II в.), позднее предожившего комплексную анатомо-физиологическую систему, определившую облик медицины вплоть до XVI в. На примере Галена мы видим взаимодополняющий характер развития натурфилософии и медицины. Два его главных (и наиболее объемных) труда именуется «О назначении частей человеческого тела» и «О догмах Платона и Гиппократата». В первом Гален излагает комплексный взгляд на анатомию человеческого тела, при этом постоянно отсылая читателя ко второму трактату. Гален – философ-платоник, руководствуется принципом определяющей важности практического познания живого – природы и человека, обоснованного рационалистами – реформаторами в натурфилософии – Платоном и Гиппократом [11;12].

Его натурфилософская система определяет направление научного и практического поиска и, наоборот, обширные данные, полученные опытным путем, уточняют натурфилософские взгляды Галена. Значительное место в натурфилософских работах Галена занимает полемика с эпикурейцами в части их взглядов на природу материи. Эпикурейская школа в философии развивала атомистическую теорию Левкиппа и Демокрита. Согласно этой теории, материя состоит из мельчайших неделимых частиц – «атомов» – находящихся в постоянном движении. Самое

главное – это движение, они считали его хаотичным, происходящим по воле случая. Критиками атомизма Левкиппа-Демокрита-Эпикура были все натурфилософы рационалистического направления, начиная с Аристотеля. Полемика вокруг этой теории сопровождала развитие естествознания на всем его донаучном этапе – вплоть до научной революции XVII века. Время от времени эта полемика то обострялась, то затихала. Во II-III вв. она отличалась исключительной интенсивностью. Эпикурейский взгляд на хаотичность движения атомов – основы материи стал одним из основополагающих в натурфилософии неоплатоников. Для естествоиспытателей эта теория была совершенно неприемлема – этим объясняется ее резкая критика со стороны Галена и других представителей естественных наук. Объяснение движения атомов хаотическим направлением воли случая означало, по сути, отсутствие всякого научного объяснения. Это прямо вело к представлению о непознаваемости материального мира, что совершенно не устраивало ученых-практиков (врачей, физиков, инженеров и пр.). Успешная познавательная деятельность могла вестись только на базе религиозно-философской системы, которая положительно отвечала на вопрос о познаваемости природы и человеческого организма, как ее части, т.е. натурфилософского позитивизма.

Начиная со II-го века, важнейшей частью общей палитры натурфилософских дискуссий различных направлений в Александрии становится мнение философов-христиан. Именно александрийская богословская школа вносит определяющий вклад в синергию античной философии и христианской теологии. Это широко известный и хорошо описанный в историографии процесс, начало которого, как правило, связывают с работой св. Климента Александрийского «Строматы». Однако, этот процесс, описанный применительно к общетеоретическим доктринам, практически не исследован в отношении натурфилософских взглядов представителей ранней александрийской христианской школы богословия. Находились ли практические вопросы философии естествознания в фокусе внимания первых поколений отцов александрийской церкви? Внесли ли они свой вклад в укрепление позиций натурфилософского позитивизма?

Этот важнейший вопрос до конца не решен в данный момент в специальной литературе, посвященной истории естествознания, в целом, и истории медицины, в частности.

Формирование правильного взгляда на этот вопрос затруднено крайней скудностью сохранившихся источников. Тем более ценным, по нашему мнению, является введение в научный оборот новых, ранее не-

использованных российскими учеными, источников. Это и является одной из задач, решаемых авторами данной статьи.

Значимое свидетельство позиции александрийской богословской школы в вопросах натурфилософии мы находим в трудах св. Дионисия Великого. Дионисий занимает важный пост в александрийской иерархии в 232 г., когда принимает в свои руки бразды управления катехетической школой при епископской кафедре. Первым епископом Александрии, как известно, был св. апостол-евангелист Марк. Его же, в силу очевидно выраженного миссионерского характера его деятельности, принято считать первым главой катехетической школы. Св. Апостолу Марку наследовал Пантен, далее – св. Климент Александрийский, вслед за ним Ориген, после Оригена – Иракл. В 232 г. Иракл избирается епископом Александрии, а св. Дионисий заступает на освободившееся место руководителя катехетической школы. Все вышесказанное подчеркивает близость св. Дионисия к самым истокам христианского богословия. Обратим внимание также на позднейшие титулование его «Великим» в христианской святоотеческой традиции. Такого именованья удостоились очень немногие отцы и учителя христианской церкви. Это говорит о крайней позитивной важности наследия этого богословия с точки зрения самой церкви. Напротив, теоретические взгляды того же Оригена были впоследствии оценены критически, в определенной части даже анафематствованы решениями VI (деяние 18) и VII (деяние 7) Вселенских соборов [8; 9].

Обнаруженные нами источники позволяют утверждать, что актуальные вопросы натурфилософии того времени находились под пристальным вниманием св. Дионисия Великого. Предметом данной публикации служит прямо высказанное крупнейшим раннехристианским дидакалом мнение об атомистической теории Демокрита-Эпикура. Из приведенного далее текста видно, что св. Дионисий Великий эту теорию аргументировано отвергал. В настоящий момент мы можем с полной определенностью утверждать, что александрийская церковь в III веке находилась на позициях натурфилософского позитивизма.

Интересующие нас, в данном случае, творения Дионисия Александрийского (Διονύσιος Ἀλεξανδρείας, Θεόδωρος ὁ Μέγας) составляют отрывки из его книги «О природе». Семь довольно значительных фрагментов этого произведения сохранились до нашего времени только в 14-й книге обширного исследования Евсевия Кесарийского под названием «Приготовление к Евангелию» (Praeparatio Evangelica VII 19, XIV 23-27) [23].

Этот труд Евсевия Кесарийского хорошо известен ученым различных специальностей, занимавшихся описываемым нами историческим

периодом (не только собственно историкам, но и философам, культурологам, богословам и пр.). Попыток (успешных и не очень) работать с ним предпринималось великое множество. Отдельные его фрагменты в разное время переводились на русский язык. Различные богословы и философы комментировали его, иногда в свободной форме воспроизводя содержание отдельных книг Евсевия или цитируя, в процессе комментария, фрагменты текста. В качестве примера мы могли бы привести труд священника А.И. Дружинина «Творения св. Дионисия Великого, еп. Александрийского» [4]. Он был недавно переиздан в издательстве Олега Абышко в 2007 г. Источниковеды знают, как противоречиво порой, складывается судьба тех или иных трудов древних авторов – существуют различные их списки, тексты которых могут отличаться друг от друга – всегда необходимо внимательно оценивать оригинал, используемый для перевода.

Первое издание труда Евсевия увидело свет в 1628 году, в Париже, под редакцией Вигери (Vigeri) [13]. Из наиболее значительных критических изданий данного текста имеет смысл указать на немецкое издание, под редакцией Вильгельма Диндорфа (Wilhelm Dindorf), вышедшее в 1867 году в Берлине [14]. В 1903 году доктор Эдвин Джиффорд (Edwin Hamilton Gifford) опубликовал в четырех томах сочинение Евсевия Кесарийского «Приготовление к Евангелию» [15]. Первый и второй том содержат греческий текст, третий том состоит из двух частей, которые включают в себя английский перевод, четвертый том, содержит в основном филологические комментарии. Это издание значительно переработал и дополнил в 1954–1956 гг. немецкий ученый Карл Мрас (Karl Mras). Вышло две редакции этого текста. Первая редакция: Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica // Die griechischen christlichen Schriftsteller series 43.1 [16]. Вторая редакция: Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica // Die griechischen christlichen Schriftsteller series 43.2 [17]. Оба издания практически одинаковы и были переизданы в Берлине в 1980–1983. Как указывают известные современные исследователи творчества Евсевия Кесарийского Филипп Джэкинс [21] и Аарон Джонсон [22], издание Карла Мраса является лучшим и чаще всего используемым в научных целях критическим изданием труда Евсевия Памфила «Приготовление к Евангелию». Немецкое издание К. Мраса было сравнительно недавно перепечатано и положено в основу французской публикации Евсевия, выполненной издателем Д. Сиринелли (J. Sirinelli) в серии «Христианские источники» [24]. Исходя из вышесказанного за основу представленного перевода труда св. Дионисия Великого «О при-

роде», в редакции Евсевия Памфила, было положено указанное немецкое издание К. Мраса.

Встречающиеся цитаты Священного Писания в тексте св. Дионисия даются в переводе русский язык в соответствие с Синодальным переводом, а также дополняются аналогичными цитатами из Септуагинты в славянском изводе перевода Писания на основе Острожской Библии Ивана Федорова (Лицевое (иллюстрированное) наборное переиздание 7422 (1914) года, выполненное «тщанием и иждивением Московской Старообрядческой Книгопечатни»). Цитаты из библейских книг не вошедшие в «синодальный канон», таких как Иисус Сирах, но используемых Дионисием Александрийским, предоставлены в современной интерпретации.

Мы не встретили в доступной нам литературе анализа текста Евсевия, четко выделяющего натурфилософскую составляющую труда св. Дионисия. В специальной литературе по истории естествознания этот текст также не комментировался. Поэтому мы приняли решение самостоятельно сделать выбор тех глав, которые имеют отношение к нашему предмету исследования, осуществить их комплексный перевод и прокомментировать в контексте зарождения медицины как науки. Естественно, что мы не приводим полный текст обширного творения Евсевия Кесарийского, ограничившись переводом только тех глав, которые имеют непосредственное отношение к изложению труда св. Дионисия Великого и предмету нашего анализа.

В принципе, труд св. Дионисия Александрийского «О природе» представляет блестящее опровержение философской системы Эпикура о неделимых частицах (атомах). Обращает на себя внимание мнение о целостности Вселенной, высказываемое св. Дионисием Великим со ссылкой на «самых мудрых из греков, таких как Платон, Пифагор..» [23]. Св. Дионисий, солидаризируясь с определенной линией античной греческой философии, сразу подчеркивает ее приемлемость для христианской мысли. В этом проявляется общая линия александрийской школы, заложенная еще св. Климентом. Дионисий сразу обозначает суть разногласий между Платоновской моделью Вселенной и христианской натурфилософской мыслью, с одной стороны, и линий Левкиппа-Демокрита-Эпикура, с другой. Одни подчеркивают целостный и тварный характер Вселенной, другие «стремятся разделить целостную сущность и предположить, что Вселенная бесконечна и не создана в своей основе» [23]. Вслед за этим Дионисий переходит к характеристике собственно атомизма эпикурейцев. В соответствие с ним, атомы – мельчайшие, бесчис-

ленные и неуничтожимые тела, которые «как утверждают, в пустом, неопределенном, огромном пространстве случайно сталкиваются в пустоте и посредством беспорядочного движения, переплетаясь друг с другом». Отсюда со всей определенностью следует вывод об их соединении во множество случайных форм (материальных образований) и возможности бесконечного производства из этих случайных форм новых миров. Это очень логичный вывод: в самом деле, если массы хаотически движущихся атомов складываются в отдельные объекты, что мешает этим объектам, в свою очередь складываться в целые миры? Соответственно, если по Демокриту и Эпикуру, это движение случайно и хаотично, таких миров может возникать бесконечное множество. Именно эта точка зрения на устройство материи длительное время питала умы многих представителей неоплатонического направления в философии, на разных этапах истории науки причудливо смешивавшегося с оккультизмом. Ярким позднейшим примером такого взгляда на природу материи была натурфилософия Дж. Бруно. Именно из логичного, по Эпикуру, взгляда на движение материи и возможности формирования бесконечных материальных структур и проистекает мнение Дж. Бруно о множественности миров. А следствием оккультных герметических взглядов – представление Ноланца о населенности этих миров и планет разными духовными сущностями. При этом разница во мнениях относительно размера неделимых частиц – атомов – между Демокритом (он считал, что атомы могут быть очень большими) и Эпикуром (этот полагал, что атомы чрезвычайно малы) несущественна. Св. Дионисий верно подмечает эту несущественность с точки зрения последствий для развития. Большие частицы или малые – хаотическое движение не дает возможности для разумных объяснений законов природы и ведет к идее бесконечного множества произвольно образующихся и существующих миров. Реплика св. Дионисия «но Гераклит, как говорят, назвал их телами, а врач Асклепиад унаследовал это название» обращает наше внимание на факт вовлеченности крупных врачей в натурфилософскую полемику. Александрийский дидакал упоминает об Асклепиаде вскользь, для него этот факт – проявление широко известного явления в натурфилософской полемике.

Между тем, для нас, историков медицины, эта реплика – ссылка на важнейшую для становления нашей специальности дискуссию. Обратимся в другому важнейшему источнику – труду Галена «О назначении частей человеческого тела».

Гален однозначно уязвляет взгляды философов-эпикурейцев и Асклепиада и его учеников: «Теперь не следует обойти молчанием то,

что, рассуждая на эту тему, говорят некоторые из тех, кто разделяет мнения Эпикура-философа и Асклепиада-врача, но следует тщательно изучить их речи и показать, в чем они ошибаются» [5, с. 83]. При сравнительном анализе натурфилософских воззрений Галена и рассуждений св. Дионисия Великого мы обращаем внимание на удивительное сходство логики и аргументации. Помимо взгляда на целостность творения, их объединяет телеологический подход – идея целесообразности и порядка творения: «Также, в то время как судно строится, киль не кладет сам себя, и мачта сама не устанавливается посередине судна, и каждая из других деревянных частей судна не занимает любое случайное положение. Как говорят, не устанавливаются сто частей повозки в произвольном, свободном месте, но каждая часть соответствует своему определенному положению. Плотник объединяет их в соответствии с необходимостью» [23]. Далее, переходя к живой природе: «И самыми долговечными являются животные и растения. Как они говорят, наиболее долговечными среди животных предстают птицы такие, как орлы, вороны и фениксы. Среди наземных животных – это олени, слоны и змеи. Среди обитателей водных стихий – киты. Среди деревьев – это пальмы, дубы и персеи [род египетского дерева]. Очень долговечны некоторые деревья четырнадцати вечнозеленых пород, как подсчитал кто-то. Как каждый цветок в надлежащее время сбрасывает листву, так и растения и животные рано умирают, имея недолгую и короткую жизнь, на них же похожа и человеческая жизнь, о которой говорит Священное Писание, «Человек бо рожден от жены, малолетен», «Человек рожденный женою, краткодневен» (Иов 14.1)» [23]. Гален говорит о целесообразности и порядке творения, используя ту же логику, но широко иллюстрирует ее конкретными, опытными примерами: «Нет ни одного ремесленника, ни среди тех, которые с помощью болтов скрепляют балки, ни среди работающих с камнем, которые когда-либо сумели так точно приладить углубления к входящим в них выступам, как это сделал удачный вихрь атомов по отношению к корням зубов. Он знал, думается мне, хотя он не имел разума, что более широкие ячейки сделали бы более слабой связь зубов с костями, а более узкие – не позволили бы корням зубов дойти до самого основания. А эти крепкие связки, скрепляющие зубы с ячейками, главным образом у основания, где прикрепляются нервы, разве это тоже не замечательное явление? Еще более замечательное, если это дело случая, а не мастерства. Но вот еще более чудесное явление. Даже в том случае, если мы припишем атомам Эпикура или молекулам Асклепиада то счастье, о котором мы говорили выше, мы все же воздержимся от

признания этого и будем утверждать, что правильность зубов есть скорее дело справедливого руководителя, чем удачного движения. Тот факт, что нижние зубы точно совпадают с верхними, несмотря на то, что челюсти неодинаковы, – это доказательство высшей справедливости. И если существует тождественность между правыми зубами и левыми, ячейками одной стороны и ячейками другой, как и корней с корнями, нервов с нервами, связок со связками, артерий с артериями, вен с венами, то что еще может убедить меня, что это дело случая, а не мастерства? Что число тех и других одинаково с правой и левой стороны каждой челюсти, разве это тоже не признак известной справедливости. Тем не менее припишем еще и это именно этим счастливым атомам,двигающимся, по словам этих философов, наудачу, и все же, как кажется, заканчивающих каждое дело более обдуманно, чем Эпикур и Асклепиад. Ведь следует восхищаться и другими делами атомов и тем, что не только у людей, но и у животных они поместили коренные зубы сзади, а резцы – спереди. Что для одного вида животных этот вихрь был довольно благоприятен, это еще допустимо; но что он был одинаково удачен для всех видов, это указывает уже на рассудок и размышление». [5, С. 385–386]

Отметим, что перед нами чистейшей воды эмпирический метод доказательства, в котором терпимы только опытным путем добытые наблюдения: «Как только сторонники Асклепиада встречаются с какой-либо трудностью, они тотчас же предполагают, что природа создала бесполезную вещь. Сторонники же Эрасистрата, правда, беспрестанно восхваляют ее за то, что она ничего не сделала напрасно, но в действительности они не преследуют этой цели и не стараются доказать, что для каждого органа эта похвала действительно справедлива; напротив, они охотно замалчивают и опускают многое из строения частей. По этому вопросу пусть будет достаточно того, что мною сказано в работе «О естественных способностях». В настоящий момент я только хочу, чтобы все, читавшие эти труды, помнили, что не следует пропускать по лености ни одной части, но следуя нашему примеру, тщательно исследовать род их вещества, устройство, связь; исследовать также их продолжения (арофйсеис), прикрепления (емфйсеис), величину или незначительность каждой из них, их число, соотношения, положения. Наконец, если во всех частностях все, что сказано о функциях, согласуется между собой, то следует это признать, если же оно окажется в чем-либо, хотя и маловажном, ошибочным, – считать его сомнительным и не останавливать на нем больше свое внимание. Таков был и наш метод; в течение продолжительного времени мы исследовали, затем подвергли рассмотрению все, что

было сказано другими по поводу каждого органа; то, что мы нашли соответствующим явным фактам, признали более достойным». [1, С. 202.].

Насколько случайны показанные нами совпадения? Подтверждаются ли они глубоким анализом мировоззренческих основ частной теории Галена? Как объяснить обнаруженные нами единства логики философа-христианина и врача-платоника следующих друг за другом в рассуждениях с чуть более чем полувековой временной дистанцией?

Дать комплексный ответ на этот вопрос мы попытаемся в продолжении настоящей статьи.

Примечания

1. Балалыкин Д.А. Зарождение медицины как науки в период до XVII века. – М.: Весть, 2013.
2. Балалыкин Д.А., Шок Н.П. Взаимодополняющее развитие натурфилософии и медицины в Древней Греции. – Главный врач: хозяйство и право. – 2013. – № 2. – С. 47–52.
3. Балалыкин Д.А., Шок Н.П. История медицины как предмет научного исследования. – Человеческий капитал. – 2013. – № 4 (52). – С. 130-135.
4. Дружинин А. И. Творения св. Дионисия Великого, еп. Александрийского / Под ред. Л. Писарев. – Казань, 1900.
5. Гален К. О назначении частей человеческого тела / Под ред. В.Н. Терновского. – М.: Изд-во «Медицина», 1971.
6. Курциус Э. История Древней Греции: В 5 т. – Минск: Харвест, 2002.
7. Гурье С.Я. История Греции / Под ред. Э.Д. Фролова. – 2-е изд. – СПб, 1993.
8. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. – М., 2006.
9. Смирнов Е.И. История христианской церкви. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2007.
10. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006.
11. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС; Русский Двор, 1997.
12. Хаммонд Н. История Древней Греции. – М.: Центрполиграф, 2003.
13. Eusebius. *Εὐαγγελικὴ προπαρασκευὴ* / ed. Fr. Vigeri. – Paris, 1628.
14. Eusebii Caesariensis Opera. Ed. Wilhelm Dindorf. – Berlin, 1867.
15. Eusebiou tou Pamphilou Euangelikēs proparaskeuēs. Ed. Edwin Hamilton Gifford. – London, 1903.
16. Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica. Ed. Karl Mras // Die griechischen christlichen Schriftsteller series 43.1. – Berlin: Akademie Verlag, 1954. – S. 3–613.
17. Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica. Ed. Karl Mras // Die griechischen christlichen Schriftsteller series 43.2. Berlin: Akademie Verlag, 1956. – S. 3–426.
18. Ferngren Gary B. Medicine and Health Care in Early Christianity. – JHU Press, 2009.
19. Ferngren Gary B. Science and Religion: a historical introduction. – Baltimore, 2002.
20. Ferngren Gary B. The history of Science and religion in the Western Tradition: an encyclopedia. – N.Y.: Garland, 2000.
21. Jenkins P. The Next Christendom. – N.Y.: Oxford University Press. 2002. – P. 122.

22. Johnson A.P. Ethnicity and Argument in Eusebius' Praeparatio evangelica. – London, 2006. – P. 11.

23. Praeparatio evangelica, ed. K. Mras, Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica [Die griechischen christlichen Schriftsteller 43.1 & 43.2. – Berlin: Akademie Verlag, 43.1:1954, 43.2:1956]: 43.1:3–613, 43.2:3–426.

24. Sirinelli J. Eusèbe de Césarée. La Préparation Evangélique. Livre XI/ trad. en fr. par Geneviève Favrelle. Sources Chrétiennes (№ 292). – Paris, 1982. – P. 116–152.

Приложение

Praeparatio evangelica, ed. K. Mras, Eusebius Werke, Band 8: Die Praeparatio evangelica [Die griechischen christlichen Schriftsteller 43.1 & 43.2. Berlin: Akademie-Verlag, 43.1:1954, 43.2:1956]: 43.1:3–613, 43.2:3–426.

<p>κα'. ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΚΑΤ' ΕΠΙΚΟΥΡΟΝ ΗΔΟΝΗΝ ΤΕΛΟΣ ΟΡΙΖΟΜΕΝΟΥΣ</p> <p>“Ἐπειδὴ ἐστὶ γνῶσις διττή, ἡ μὲν τῶν ἔξω πραγμάτων, ἡ δὲ τῶν ἡμῶν αἰρετῶν καὶ φευκτῶν, ἐνίοι φασὶ τῆς αἰρέσεως καὶ φυγῆς ἀρχὴν καὶ κριτήριον ἔχειν ἡμᾶς τὴν ἡδονὴν καὶ τὸν πόνον.</p> <p>ἔτι γέ τοι καὶ νῦν τοιαῦτά τινα λέγουσιν οἱ περὶ τὸν Ἐπικούρου ἀναγκάως οὐκ ἔχει καὶ περὶ τοῦτου σκέψασθαι.</p> <p>τοσοῦτου τοίνυν ἔγωγε δέω λέγειν ἀρχὴν εἶναι καὶ κανόνα τῶν ἀγαθῶν καὶ τῶν κακῶν τὸ πάθος, ὥστε ἔμοιγε δοκεῖ τοῦτο αὐτὸ κριτηρίου δεῖσθαι. διότι μὲν γὰρ ἔστιν, ἑαυτὸ δεικνῦσιν, ὅποιον δ' ἐστὶν ἑτέρου δεῖ τοῦ κρινούοντος.</p> <p>εἰ μὲν γὰρ οἰκεῖον ἢ ἀλλότριον, ἢ αἰσθησις λέγει, πότερον δ' αἰρετὸν ἢ φευκτόν, ὁ λόγος.</p>	<p>Глава 21 «Против эпикурейцев, которые определяют конечную цель как наслаждение»</p> <p>Поскольку знание бывает двух видов: из внешних вещей нами может быть что–то выбрано, а чего–то мы можем избежать. Некоторые полагают, что основанием и способностью к различению того, что можно выбрать или избежать, мы достигаем наслаждения или страдания.</p> <p>Сейчас что–то подобное говорят последователи Эпикура, поэтому необходимо рассмотреть также и эти вопросы.</p> <p>Я же с моей стороны не могу говорить, что ощущение (чувство) можем быть началом и отправной точкой добра и зла. Мне же кажется, что способность суждения необходима только для ощущения себя. Хотя это доказывает существование (<i>бытия – авт.</i>), но требуется что–то еще для определения ощущения.</p> <p>Поскольку ощущение подсказывает, что мы чувствуем собственное или</p>
---	--

<p>αὐτοὶ γέ τοί φασι· οὐ πᾶσαν ἡδονὴν ἀσπάζεσθαι καὶ πάντα πόνον ἐκτρέπεσθαι. τοῦτο δὲ συμβέβηκε καὶ μάλα εἰκότως.</p> <p>τὰ μὲν γὰρ κριτήρια καὶ ἑαυτὰ δείκνυσι καὶ τὰ κρινόμενα, τὸ μὲντοι πάθος ἑαυτὸ μόνον. ὅτι δ' οὕτως ἔχει, μαρτυροῦσιν αὐτοὶ.</p> <p>καίτερ γὰρ ἀξιούντες ἅπασαν ἡδονὴν ἀγαθὸν εἶναι καὶ πᾶσαν ἀλγηδόνα κακόν, ὅμως οὐκ αἰεὶ φασι δεῖν τὴν μὲν αἰρεῖσθαι, τὴν δὲ φεύγειν· μετρεῖσθαι γὰρ αὐτὰ τῷ ποσῷ, εἰ καὶ οὐ τῷ ποιῷ.</p> <p>δῆλον οὖν ὡς τὸ γε ποσὸν οὐδὲν ἀλλ' ἢ ὁ λόγος κρίνει· τὸ γὰρ ἄμεινόν ἐστιν ὑπομείναι τοῦσδε τινὰς τοὺς πόνους, ὅπως ἡσθεῖμεν ἡδονὰς μείζους' καὶ τὸ συμφέρει τῶνδὲ τινον ἀπέχεσθαι τῶν ἡδονῶν, ἵνα μὴ ἀλγῶμεν ἀλγηδόνας χαλεπωτέρας' καὶ πάντα τὰ τοιαῦτα λόγος ὁ κρίνων ἐστίν.</p> <p>τὸ δ' ὅλον, αἱ μὲν αἰσθήσεις καὶ αἱ φαντασίαι καθαρῶς κάτοπτρα καὶ εἰκόνες εὐόκασι τῶν πραγμάτων εἶναι· τὰ μὲντοι πάθη καὶ αἱ ἡδοναὶ καὶ οἱ πόνοι τροπαὶ καὶ ἀλλοιώσεις ἡμῶν αὐτῶν.</p> <p>ταύτη δὲ αἰσθανόμενοι μὲν καὶ φαντασιούμενοι πρὸς τὰ ἔξω βλέπομεν, ἡδόμενοι δὲ καὶ ἀλγούντες ἐπιστρέφομεν ἐπὶ μόνους ἑαυτούς.</p>	<p>иное, то это повод для того, чтобы принять это или отвергнуть. Они (эпикурейцы) говорят, что не испытывают пристрастия ко всякому наслаждению, но стремятся избежать любого страдания. И это совершенно правильно.</p> <p>Для суждения о себе и о том, о чем судят недостаточно доказательства только одного ощущения. И что это так, они свидетельствуют сами.</p> <p>Ибо, хотя они считают, что каждое удовольствие благо и всякая боль зла, тем не менее, они не говорят, что мы должны всегда выбирать первое и избегать последнее, они оценивают (<i>бытие – авт.</i>) по количеству, а не качеству.</p> <p>Итак очевидно, что это ничто иное, как повод, чтобы судить о количестве, именно таким образом разрешается (<i>эпикурейцами – авт.</i>) этот вопрос. Лучше терпеть ту или иную боль, чтобы мы могли наслаждаться большей радостью, и целесообразно воздерживаться от того или иного удовольствия, чтобы не страдать еще более ужасно. Именно таким образом можно судить об этом.</p> <p>В целом, ощущения и представления, которые кажутся зеркальным отображением образов вещей, также как восприятия удовольствия и страдания, изменяют нас самих.</p> <p>И таким образом чувствуя и представляя когда мы смотрим на внешние объекты, при этом наслаждаясь и страдая, то мы обращаемся только к себе.</p>
--	--

<p>τὰς μὲν γὰρ αἰσθήσεις ἡμῶν τὰ ἕξω ποιεῖ καὶ ὅποια ἂν ἦ ἐκεῖνα, τοιαύτας ἀπεργάζεσθαι καὶ τὰς φαντασίας, τὰ δὲ πάθη ποῖα ἅττα γίνεται δι' ἡμᾶς καὶ ὡς ἂν ἡμεῖς ἔχομεν.</p> <p>διὸ ταῦτα ποτὲ μὲν ἠδέα, ποτὲ δ' ἀηδῆ φαίνεται καὶ ἔσθ' ὅτε μὲν μᾶλλον, ἔσθ' ὅτε δὲ ἥττον.</p> <p>ἂν οὕτως ἐχόντων εὐρήσομεν, εἰ ἐθέλομεν σκοπεῖν, ἄριστα τὰς τῆς γνώσεως ἀρχὰς ὑποπιθεμένους ὅποσοι καὶ τὰς αἰσθησεις καὶ τὸν νοῦν παραλαμβάνουσιν.</p> <p>ἔοικε δ' ἡ μὲν αἴσθησις ταῖς ἄρκυσι καὶ τοῖς δικτύοις καὶ τοῖς ἄλλοις τοῖς τοιούτοις θηράτροις, ὁ δὲ νοῦς καὶ ὁ λόγος τοῖς κυσὶ τοῖς στιβεύουσι καὶ μεταθέουσιν.</p> <p>αὐτῶν μέντοι τούτων ἄμεινον φιλοσοφεῖν οἶεσθαι χρὴ τοὺς μῆτε ταῖς αἰσθήσεσιν ὡς ἔτυχε χρωμένους μῆτε τὰ πάθη παραλαμβάνοντας ἐπὶ τὴν ἀληθοῦς διάγνωσιν.</p> <p>ἢ δεινὸν γ' ἂν εἴη πεφυκότας ἀνθρώπους ἠδοναῖς καὶ πόνοις ἀλόγοις ἐπιτρέπειν ἑαυτοῦς, ἀφέντας τὸν θεϊότατον κριτὴν νοῦν.”</p>	<p>Для наших же чувств, вызванных внешними объектами, то какого рода существенные свойства объектов, такковые они создают представления, как например, восприятия, устанавливающиеся благодаря нам и тому чем мы обладаем.</p> <p>Поэтому они (<i>восприятия – авт.</i>) кажутся когда приятными, а когда неприятными, иногда больше, иногда меньше.</p> <p>И если это предстает таким образом, что мы желаем исследовать основания знания, то мы должны признать – лучшие условия для познания созданы теми, кто принимает во внимание ум и чувства.</p> <p>В то время как чувства походят на сети и другие подобные охотничьи орудия этого вида, ум и причина походят на гончих, которые отслеживают и преследуют добычу.</p> <p>Однако мы должны учитывать, что лучшие философы, это те, кто не полагается на случайные явления и не различает истину доверяясь только чувственным восприятиям.</p> <p>Было бы чудовищным поступком для сотворенного человека оставить в пренебрежении божественную способность рассуждения и быть введенным в заблуждение неразумными (<i>чувственными – авт.</i>) наслаждениями и страданиями.</p>
--	---

<p>κγ'. ΠΡΟΣ ΤΟΥΣ ΚΑΤ' ΕΠΙΚΟΥΡΟΝ ΠΡΟΝΟΙΑΝ ΜΕΝ ΑΡΝΟΥΜΕΝΟΥΣ ΑΤΟΜΟΙΣ ΔΕ ΣΩΜΑΣΙΝ ΑΝΑΤΙΘΕΝΤΑΣ ΤΟ ΠΑΝ</p>	<p>Против эпикурейцев, отрицающих Провидение и считающих, что вселенная состоит из вещественных неделимых частиц.</p>
<p>Πότερον ἔν ἐστι συναφές τὸ πᾶν, ὡς ἡμῖν τε καὶ τοῖς σοφωτάτοις Ἑλλήνων Πλάτωνι καὶ Πυθαγόρῃ καὶ τοῖς ἀπὸ τῆς Στοᾶς καὶ Ἡρακλείτῳ φαίνεται ἢ δύο, ὡς ἴσως τις ὑπέλαβεν, ἢ καὶ πολλὰ καὶ ἄπειρα, ὡς τισιν ἄλλοις ἔδοξεν, οἱ πολλαῖς τῆς διανοίας παραφοραῖς καὶ ποικίλαις προφοραῖς ὀνομάτων τὴν τῶν ὅλων ἐπεχειρήσαν κατακερματίζειν οὐσίαν ἄπειρόν τε καὶ ἀγένητον καὶ ἀπρονόητον ὑποτίθενται;</p>	<p>Вселенная – одно тождественное целое или это только кажется нам и самым мудрым из греков, таких как Платон, Пифагор, стоики и Гераклит? Или она двойственна – множественна и бесконечна, как возможно предполагает кто–то один или даже многие другие, уклоняющиеся мыслью и различными лукавыми речами. Они стремятся разделить целостную сущность и предположить, что Вселенная бесконечна и не создана в своей основе.</p>
<p>οἱ μὲν γὰρ ἀτόμους προσειπόντες ἄφθαρτά τινά καὶ μικρότατα σώματα πλῆθος ἀνάριθμα αἰ τι χωρίον κενὸν μέγεθος ἀπερίριστον προβολόμενοι, ταύτας δὴ φασὶ τὰς ἀτόμους ὡς ἔτυχεν ἐν τῷ κενῷ φερομένας αὐτομάτως τε συμπτύσσουσας ἀλλήλαις διὰ ῥύμην ἄτακτον καὶ συμπλεκόμενας διὰ τὸ πολυσχήμενας οὐσας ἀλλήλων ἐπιλαμβάνεσθαι, καὶ οὕτω τὸν τε κόσμον καὶ τὰ ἐν αὐτῷ, μᾶλλον δὲ κόσμους ἀπειρούς ἀποτελεῖν.</p>	<p>Некоторые называют неделимые частицы неуничтожимыми и самыми мельчайшими бесчисленными телами, которые, как утверждают, в пустом, неопределенном, огромном пространстве случайно сталкиваются в пустоте и посредством беспорядочного движения, переплетаясь друг с другом. Они создают много форм и соединяясь друг с другом производят миры и все вещи в них, а также создают иные бесконечные миры.</p>
<p>ταύτης δὲ τῆς δόξης Ἐπίκουρος γεγόνασι καὶ Δημόκριτος τοσοῦτον δὲ διεφώνησαν ὅσον ὁ μὲν ἐλαχίστας πάσας καὶ διὰ τοῦτο ἀνεπαὶ στήτους, ὁ δὲ καὶ μεγίστας εἶναι τινὰς ἀτόμους ὁ Δημόκριτος ὑπέλαβεν. ἀτόμους δὲ εἶναι φασιν ἀμφοτέροι καὶ λέγεσθαι διὰ τὴν ἄυτον στερότητα.</p>	<p>Подобного мнения придерживались Эпикур и Демокрит, но они не были согласны между собой. Первый предполагал, что неделимые частицы настолько малы, что их почти не видно, а Демокрит же считал, что неделимые частицы могли быть очень большими. Оба, однако, утверждали, что неделимые частицы были непрерывны.</p>

<p>οἱ δὲ τὰς ἀτόμους μετονομάσαντες ἄμερῃ φασιν εἶναι σώματα, τοῦ παντός μέρη, ἐξ ὧν ἀδιαιρέτων ὄντων συντίθεται τὰ πάντα καὶ εἰς ἃ διαλύεται. καὶ τούτων φασι τῶν ἄμερῶν ὀνοματοποιὸν Διόδωρον γεγονέναι· ὄνομα δὲ, φασίν, αὐτοῖς ἄλλο Ἡρακλείδης θέμενος ἐκάλεσεν ὄγκους, παρ' οὗ καὶ Ἀσκληπιάδης ὁ ἰατρὸς ἐκκληρονόμησε τὸ ὄνομα.”</p>	<p>Другие же изменяют значение неделимых частиц, говоря, что они тела, которые сами не имеют никаких частей, но сами являются частями из неделимого состояния которых складывается все и в нем разрешается. Они же говорят, что имя неделимых частиц («<i>атомы</i>» – <i>авт.</i>) придумал Диодор. Но Гераклит, как говорят, назвал их телами, а врач Асклепиад унаследовал это название.</p>
---	---

<p>κδ'. ΑΠΟ ΤΩΝ ΕΝ ΑΝΘΡΩΠΟΙΣ ΥΠΟΔΕΙΓΜΑΤΩΝ</p> <p>‘Πῶς αὐτῶν ἀνασχόμεθα τυχηρὰ λεγόντων εἶναι συμπτώματα τὰ σοφὰ καὶ διὰ τοῦτο καλὰ δημιουργήματα; ὧν ἕκαστόν τε καθ' ἑαυτοῦ γενόμενον ὥφθη τῷ προστάξαντι γενέσθαι καλὸν καὶ συλλήβδην ὁμοίως ἅπαντα. καὶ ‘εἶδε’ γάρ, φησίν, ‘ὁ θεὸς τὰ πάντα ὅσα ἐποίησε, καὶ ἰδοὺ καλὰ λίαν.’</p> <p>ἀλλ' οὐδὲ ἀπὸ τῶν μικρῶν τῶν συνήθων καὶ παρὰ πόδας νουθετοῦνται παραδειγμάτων, ἐξ ὧν δύναται μαθάνειν ὅτι χρειῶδες μὲν καὶ πρὸς ὠφέλειαν ἔργον οὐδὲν ἀνεπιτηδεύτως οὐδὲ συμβατικῶς ἀπεργάζεται, ἀλλὰ χειρουργούμενον εἰς τὴν πρέπουσαν ὑπηρεσίαν καταρτίζεται· ὅταν δὲ εἰς ἄχρηστον μεταπίπτῃ καὶ ἀνωφελές, τότε διαλυόμενον ἀορίστως καὶ ὡς ἂν τύχη διασκίδνεται, ἅτε μηκέτι μεταχειριζομένης μηδὲ διαταπύσεως αὐτὸ τῆς σοφίας, ἢ τοῦ συνεστάναι τοῦτο ἔμελεν.</p>	<p>Глава 24 От человеческих примеров</p> <p>Почему мы должны терпеть их, когда они утверждают, что причиной мудрых и прекрасных творений являются случайные совпадения? Творения каждое по отдельности или взятое в целом сотворены прекрасными, как и повелел Создавший их. Поскольку (<i>Священное писание – авт.</i>) говорит: «И Бог видел все величие вещей, которые Он сотворил и созерцает, насколько они невероятно прекрасны»** .</p> <p>Но нет, даже малейшие из знакомых им примеров, лежащих у них под ногами не образумливает их. Из них они могли бы узнать, что никакое полезное и выгодное дело не совершается без особого назначения или является случайным, но все усвершенствуется рукотворением для лучшего состояния. Но когда (вещь – авт.) уменьшается и становится бесполезной и непригодной, то именно тогда она расторгается и рассеивается неопределенным и случайным образом, поскольку мудрость составившая это,</p>
---	---

** Интерпретация авторов – ср. Бытие. 1–31.

<p>ἰμάτιόν τε γὰρ <οὐ> χωρὶς ἰστουργοῦ συνισταμένων τῶν στημόνων οὐδὲ τῆς κρόκης αὐτομάτως παρεμπλεκομένης ἀνυφαίνεται, εἰ δὲ κατατριβείη, τὰ λακισθέντα διαρριπτεῖται ῥάκη· οἰκία τε ἀνοικοδομεῖται καὶ πόλις οὐ τοὺς μὲν τινας δεχομένη θεμελίοις αὐτομολοῦντας λίθους, τοὺς δὲ ἀναπηδῶντας εἰς τὰς ἐπιβολάς, ἀλλὰ κατὰ χώραν ὁ τοιχοδόμος τοὺς εὐθέτους ἐπιφέρει καταρριφθείσης δέ, ὡς ἂν παρείκη κατενεχθεὶς ἕκαστος ἀπεσφάλη.</p>	<p>более не управляет ею, ни направляет ее.</p> <p>Даже плащ не состоит из отдельных нитей, переплетающихся сами собой без ткача, но если ткань изношена, то рваные лохмотья выбрасывают вон. Вновь строящиеся дома или город построен из камней, которые не сами собой самостоятельно укладываются в основание и на стены, но строитель приносит отдельные искусно подогнанные камни и кладет их на определенное место в возводимой стене. Однако когда происходит, так что здание разрушается, то каждый камень падает вниз и теряется.</p>
<p>καὶ κατασκευαζομένης νεῶς οὐχ ἡ μὲν τις ὑπέβαλεν ἑαυτὴν τρώπῃς, ὁ δὲ κατὰ μέσιν ἑαυτὸν ἰστὸς ὤρθωσε καὶ τῶν ἄλλων ἕκαστον ξύλων ἦν ἐτυχεν ἐξ ἑαυτοῦ θέσιν κατέλαβεν οὐδὲ τὰ τεγόμενα ἕκαστον τῆς ἀμάξης ξύλα καθ' ὃν εὖρε κενὸν τόπον ἕκαστον συνεπάγη· ἀλλ' ὁ τέκτων ἑκατέρας συνεκόμισε καίριον.</p>	<p>Также, в то время как судно строится, киль не кладет сам себя, и мачта сама не устанавливается посередине судна, и каждая из других деревянных частей судна не занимает любое случайное положение. Как говорят, не устанавливаются сто частей повозки в произвольном, свободном месте, но каждая часть соответствует своему определенному положению. Плотник объединяет их в соответствие с необходимостью.</p>
<p>εἰ δὲ διαλυθεῖη ἡ ναὺς ἐνθαλασσεύουσα, ἢ φερομένη κατὰ γῆν ἄμαξα, ὅπῃ τύχη τὰ ξύλα τὰ μὲν ὑπὸ τῶν κυμάτων, τὰ δὲ ὑπὸ τῆς συντόνου ῥύμης διασπείρεται. οὕτως ἂν ἀρμόζοι λέγειν αὐτοῖς καὶ τὰς ἀτόμους, ἀργὰς μενουσας καὶ ἀχειροποίητους καὶ ἀχρήστους, εἰκὴ φέρεσθαι. ὀράτωσαν γὰρ τὰς ἀθεάτους ἐκεῖνοι καὶ τὰς ἀνοήτους νοεῖτωσαν, οὐχ ὁμοίως ἐκεῖνω, ὃς φανερωθὲν ἑαυτῷ τοῦτο ὑπὸ τοῦ θεοῦ πρὸς αὐτὸν ὁμολογεῖ· Τὸ ἀκατέργαστόν σου εἶδοσαν οἱ ὀφθαλμοί μου.</p>	<p>Но если корабль разрушается, странствуя по морю, а повозка разбивается о землю, то в таком случае деревянные части рассеяны везде, где это может случиться в одном случае волнами, а в другом (<i>неосторожным – авт.</i>) вождением колесницы. Таким образом приличествовало бы им говорить, что их неделимые частицы (<i>атомы – авт.</i>), как остающиеся праздными, неруководными и бесполезными, сочетаются наугад. Они (<i>эпикурейцы – авт.</i>) не могут увидеть невидимые и неделимые частицы (<i>атомы – авт.</i>) понять непо-</p>

<p>ὅταν δὲ καὶ ἅ φασιν ἐξ ἀτόμων ὑφάσματα γίνεσθαι τὰ εὐήτρια, ταῦθ' ὑπ' αὐτῶν ἀσόφως καὶ ἀναισθητῶς αὐτουργεῖσθαι λέγῳσι, τίς ἀνέξεται τὰς ἀτόμους ἀκούων ἐρίθους, ὧν καὶ ὁ ἀράχνης ἐστὶ σοφώτερος χειροτεχνῶν ἐξ ἑαυτοῦ;</p>	<p>стижимое, в отличие от того, кто признает, что (<i>все сущее – авт.</i>) было явлено ему Богом, при этом как бы говорящими Самому Богу: «Мои глаза действительно видели Твое несовершенное творение».</p> <p>Всякий раз когда они говорят, что из неделимых частиц составляются искусные тонкие образования, появляющиеся спонтанно без мудрости и без восприятия, сделанные, как говорят, сами собой, кто может терпеть сказанное, что неделимые частицы действуют сами как ткачи, хотя они уступают в мудрости даже пауку который плетет паутину сам из себя?</p>
--	--

Дата поступления 11.06.2013

Первый Московский государственный
 медицинский университет, г. Москва
 shok@msm-medical.ru

Balalykin D.A., Sheglov A.P., Shok N.P. The physiophilosophy tradition of the antique natural history and Alexandria school in the III century. Part I.

Article is devoted to an actual problem of history of natural sciences – to physiophilosophy and medicine interference in the III century. This period of history of antique natural sciences is characterized by huge importance of the processes happening in medicine: at a boundary of the II–III centuries in medicine there is an important change – Galen's anatomo–physiological system is formed. In article the special place and value of the Alexandria school in natural sciences development within which the synergy of ancient philosophy and Christian theology was provided is also in detail analyzed.

Keywords: history of medicine, history of science, antique natural history, Alexandria school, Galen, Eusebius of Caesarea, Dionysius of Alexandria.